

Саныч

Анна Нематова

Анна Евгеньевна Нематова

Саныч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70603342

SelfPub; 2024

Аннотация

Как вы думаете, где живут славянские духи и нежити в современном мире? В глухом лесу или давно перебрались в города? Обзавелись собственными квартирами и работают среди простых людей? Где они – Баба Яга, Водяной или Леший?

Анна Нематова

Саныч

– Какой-то ты всё-таки странный, Саныч.

– Что ж так? – грузный человек с усами как у сома неторопливо повернулся к тощему Петьке.

– Ну, не знаю, – осторожно продолжил парнишка, – я иногда как гляну на тебя, так видится что-то. Мерещится, будто волосы, не знаю, как сказать, – юноша задумался, подбирая слова, – водорослеватые. Вот.

– Хм... – старший сантехник протянул руку, – малой, подай-ка паклю.

Петька аж вздрогнул. Привиделось ему вместо руки нечто зелёное, чешуйчатое, с перепонками между пальцев. Длинные когти на конце закручивались улитками. Картинка раздвоилась, вздрогнула и пропала. Перед парнем опять проявился Саныч во всей своей огромности.

На вид ему было лет – миллион. Нет, он не выглядел дряхлым стариком. И всё же чувствовалось, будто вся мудрость веков, тяжесть многолетия клубилась во взгляде. Выпученные, безресничные глазищи не имели определенного окраса. Под разными углами света казались то коричневыми, почти черными, то жёлто-оранжевыми. Зрачки могли расширяться, наполняясь мраком, или сузиться до рептильей щёлочки.

От такой трансформации Петьку всё время передергивало. Он никак не мог к этому привыкнуть, хотя и стажировался уже несколько месяцев. Напарник объяснял природную шалость синдромом кошачьего глаза, редким генетическим заболеванием. “Кэт ай синдром”, – старательно выговаривал Саныч свой диагноз на английском языке. Петька сделал вид, что поверил, но вечером поделился сомнениями с сестрёнкой Анютой. Та всегда с большим интересом слушала истории про работу брата. И сейчас подивилась этим метаморфозам.

Петя отдал паклю и помог придержать батарею. В это время Саныч наматывал спутанное волокно на наружную резьбу. Батарея массивная, чугунная, вековая. Узоры литого металла сверху и снизу извивались растительными рисунками, а посередине изящно сплетались. Уютная квартирка имела антикварный вид. Старинная мебель, тяжелые бархатные портьеры, особый запах. Такой бывает только в помещениях с натуральным деревянным паркетом. Хозяйка же квартиры, божий одуванчик – реликвия.

Петька крепился из последних сил, напрягая молодые, незрелые мышцы. В момент, когда лицо уже покраснело, а вены на руках-палочках вздулись от усилия, Саныч закончил накручивать гайку и чуть придержал батарею. В мгновение стало легко. Эта вторая странность всякий раз поражала парня. Старик, словно Геракл, одним мизинцем мог удержи-

вать огромный вес. Посмотришь на него и не скажешь. Тело рыхлое. Пень трухлявый.

– Саныч, – Петька вытер футболкой пот. Он стекал ручейками по вискам, лбу, за шиворот и неприятно щекотал кожу. – Саныч, а давно ты здесь работаешь?

– Здесь, это хде? – старик говорил, растягивая слова и по-деревенски гэкая. Он ловко нацепил батарею на кронштейны, как будто та ничего не весила.

– Ну, сантехником в ЖЭКе.

– Так это, поди с 1858 года. Ну не в ЖЭКе, а просто сантехником. Тохда ЖЭКов не было.

– Ты чёт путаешь, Саныч. С 1958 года, наверное.

– А, ну да, ну да, 1958, он самый. Собери мою сумку, малой.

Парнишка расторопно сложил инструменты в старую кожаную сумку на длинном ремне. Замок не работал, но сумка выглядела довольно прочной, хоть и такой же древней, как её владелец.

– Хозяйка, принимай работу, – погромче сказал Саныч глуховатой хозяйке.

Бабулечка зашуршала в сторону батареи, осмотрела. Что-то шамкнула про себя, деловито протёрла фартуком и полюбовалась результатом.

– Ох, спасибо, милоч. А то уже надоела. Все каплет и каплет. Силов нет. Весь паркет измочила, – она пошла прово-

жать работников, убирая руку в карман фартука. Прошеле-стела чем-то и торопливо сунула Санычу свою сухую ладо-шку с начинкой.

– Ты что, мать?

– Ничего, ничего, мальчики. За работу благодарность. Парнишке вон футболочку купите, а то пообносился ма-лость. У меня внуков-то нет, так хоть ему. Не обидьте ба-бушку.

– Ну, ладно, спасибо, мать. Ты, если что, звони в ЖЭК, зови Саныча. Подсоблю в любом вопросе.

И ушли.

На улице замерло египетское пекло. Стены медленно вби-рали в себя жар, чтобы вечером отдавать его в прохладу мар-теновской печью. Листва единственного дерева в крошеч-ном дворе приуныла от засухи. Воздух застыл. Время повис-ло между прошлым и настоящим. Тишина заложила уши. А ведь только выйди через пару арок на главную улицу и жизнь вновь забурлит, загудит автомобильным потоком и делови-тыми жителями Петербурга. Здесь же нет никаких призна-ков современной жизни. Скамейка такая же старая, облуп-ленная, как и стены домов. Каким-то чудом она убереглась от извечно актуальных надписей на букву Х.

Саныч охнув от жары присел на скамейку. Достал из сум-ки огромную бутыль с подозрительной зеленовато-бурой жидкостью и всосал содержимое почти полностью. На до-

нышке осталась только муть похожая на болотную.

Эта третья странность босса удивляла Петьку не меньше, чем чудаковатые кошачьи глаза. Пьяным Саныча или с выхлопом, свойственным многим работникам их профессии, он никогда не видел. Мало того, Саныч и Петьке строго-настрого приговаривал не пить. Парень его побаивался, потому слушался, как отца родного.

Родителей у него с Анютой не стало год назад. Попали в аварию и разбились насмерть. Остались одни друг у друга. Анютка этим летом оканчивала училище, а Петьке пришлось срочно найти работу. Устроился сантехником в ЖЭК. Профессии у него соответствующей не было. Тётя Шура, соседка по подъезду, знавшая их семью лет 30, пожалела ребят и взяла Петьку к себе в контору. Так и началась его трудовая жизнь в паре с Санычем, к которому его приставили для обучения сантехническому мастерству.

– Малой, а отчество твоё как? – поболтав взвесь в бутылке, Саныч опрокинул её и смачно вбулькнул остатки мутного напитка.

– Александрович. А что?

Зрачки собеседника резко сузились, отчего глаза загорелись оранжевыми всполохами и пробежала какая-то необычная сине-зеленая рябь. Это что-то новенькое. Такого Петька

ещё не видел.

От испуга ли, но у него резко разболелась голова. Она взорвалась маленькой Хиросимой и жгучий напалм разлился ото лба к затылку и вискам. От неожиданной мигрени Петька аж всхлипнул. Он обхватил голову ладонями, стараясь удерживать развивающуюся боль, и начал медленно раскачиваться, успокаивая мучительную стихию. Саныч внимательно смотрел на него. Молчал, но будто сканировал Петьку внезапно потемневшими глазами. Волны боли мягко отступили. Каждый новый накат приносил малое облегчение и страдалец наконец вздохнул полной грудью. Он поднял голову и помутневшими от резкой атаки глазами взглянул на Саныча.

– Вода есть? – просипел Петька пересохшими губами.

Саныч достал из необъятной сумки бутылку с болотной водицей. Волшебство. Будто та самая, но заново полная. Выбора не было, во рту безжизненная засуха. Петька сначала осторожно, потом с жадностью начал поглощать воду, шумно глынькая при каждом глотке. Остановился он, только когда ощутил вкус травяной массы, на удивление вполне себе приятной. Всё, что смог определить Петька – мялису и чабрец. Напиток оказался не только освежающим, но и бодрящим. Он ощутил диковинный прилив сил и головной боли как не бывало.

Саныч все еще внимательно разглядывал Петьку. Сейчас,

ставшие карими глаза, исследовали Петькину тощую фигурку с ног до головы. Тот почувствовал себя неловко, но через минуту понял, что Саныч не видит его, а смотрит словно сквозь.

– Малой, вот, позвони-ка по этому номеру, – старик достал старый кнопочный мобильник, выудил из него номер телефона и записал на обрывке бумаги, – скажешь, что от меня. Приедешь куда позовут, сделаешь всё, что попросят. Времени нет. Сегодня. Сейчас. Шуре передам, что завтра на работу не выйдешь.

Взял сумку и медленной походочкой поплыл по разгоряченному асфальту. Петька рот раскрыл, но спросить ничего не успел. Босс уже испарился в изгибе арки, словно видение.

Саныча Петька больше не видел. Дальнейшие события закрутили его в дикую карусель на пару месяцев. Когда он вернулся на работу, тетя Шура сказала, что Саныч внезапно уволился неделю назад.

– Что ж с тобой было, Петька? Мы тут волновались. Анька ничего толком объяснить не может, – тараторила она, – говорит только, что с головой что-то там. Плакала, да причитала всё. Боялась тебя потерять. В церковь бегала свечи ставить за твоё здоровье. Совсем девка исхудала, ничего не ела. Одни глаза на тонких ножках остались. Нас в больницу не пускали. Только родственникам можно.

– Мне, тетя Шура, Саныч телефон дал. Сказал: “Звони

срочно”, а сам испарился, – начал парнишка бойко говорить и без передыху продолжил, – ну, я и позвонил. А мне: «Коль от Саныча, так бегом ко мне». А это невролог был, из больницы. Обследование назначил, кучу анализов взял, МРТ, КТ, ну и много всего. Говорит потом: «У тебя, дружок, аневризма в голове. Еще чуть-чуть и всё, рванёт. Так что оставляем тебя в больнице и будем готовить к операции». Вот, сделали. Да всё хорошо сейчас, тётя Шура. Работать надо, а то мы с Анютой зубы на полку положим. Спасибо, кстати, что помогали ей, подкармливали.

– Да что уж там. Все свои, – тетя Шура утёрла слезу, защекотавшую пухлую щеку. – Ты уж береги себя, не болей больше. Да, тебе тут Саныч посылочку передал, – она суетливо поднялась и вытащила пакет из шкафа, – сказал, как вернешься, точнёхонько в руки отдать. Вот, держи.

Вскрывать подарок Петька не торопился. Шёл домой не спеша, наслаждаясь остатками лета и вдыхал прохладный августовский вечер полной грудью.

– Как же хорошо жить!

Дома Анютка колдовала над ужином и пока он вскрывал пакет, с интересом на него поглядывала. Петька достал лист жёлтой бумаги, на котором было написано: «Теперь ты – Саныч, а я на покой».

И всё. Странное послание. Он заглянул внутрь. Там ле-

жал обёрнутый в бумагу гостинец. Развернул. Нательное берестяное украшение с рогами крест накрест и сверху ромбик. Нашел похожую картинку в интернете. Прочел, что это знак Водяного. Подивившись такому подарку, парень надел его на шею. Вдруг картинка в глазах мигнула, раздвоилась и изменилась. Он увидел, как тонкие светящиеся нити тянутся ко всему живому. Глянул на Анюту. Она излучала радужное сияние. Сестрёнка же прошептала: «Петька, у тебя глаза стали, как у кошки».